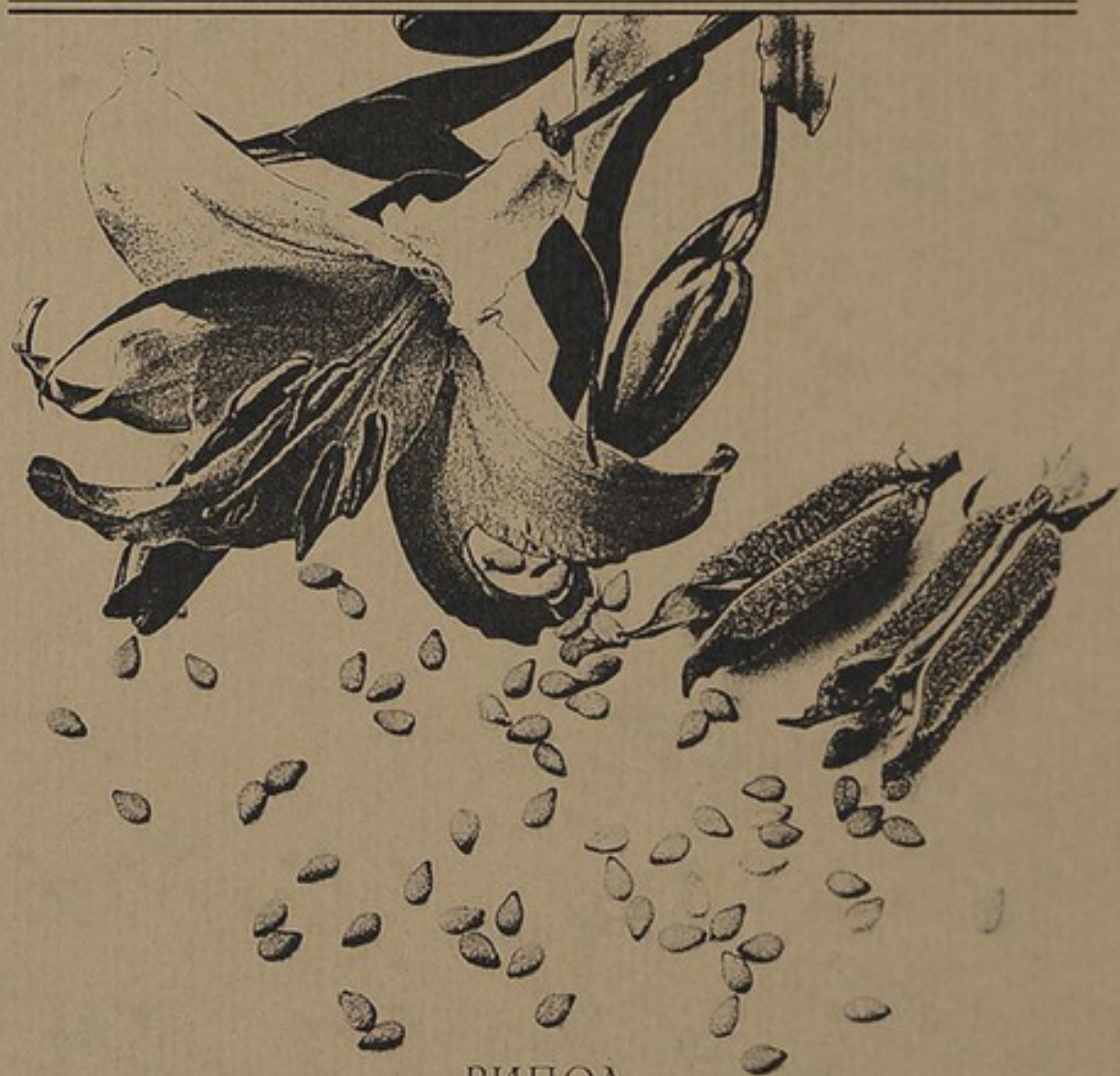

*Искусство
и действительность*

ДЖОН РЁСКИН
СЕЗАМ И ЛИЛИИ
ЛЕКЦИИ ОБ ИСКУССТВЕ

РИПОЛ
КЛАССИК

Искусство и действительность

Джон Рёскин

**Сезам и Лилии.
Лекции об искусстве**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 7.0
ББК 87.8

Рёскин Д.

Сезам и Лилии. Лекции об искусстве / Д. Рёскин — «РИПОЛ
Классик», 2017 — (Искусство и действительность)

ISBN 978-5-386-10238-8

Джон Рёскин – создатель современного искусствоведения. Без знакомства с его работами практически невозможно в полной мере понять всю специфику мирового искусства, ведь именно Рёскин заложил основы метода знакомства с величайшими из произведений живописи, литературы и самой природы. С помощью этой книги читатель может почувствовать себя слушателем в первом ряду оксфордского лекционного зала, на трибуну которого поднимается Джон Рёскин. Здесь читатель найдет легендарные «Лекции об искусстве» – самый значительный, по признанию автора, труд в жизни Рёскина, в котором он изложил новую методологию анализа искусства. В работах Рёскина искусство неразрывно связано с моралью, религией, природой и человеческой жизнью в целом. Кроме того, читатель найдет и не издававшиеся более ста лет на русском языке лекции под названием «Сезам и Лилии». В этом цикле Рёскин рассуждает о золотых правилах чтения, образования и литературы, а также о приходе нового гуманистического периода в истории, когда роль индивида в обществе меняется и на первый план выходят женщины и их искусство, показывая истинные ценности всему миру. Книга сопровождается вступительной статьей Александра Маркова.

УДК 7.0
ББК 87.8

ISBN 978-5-386-10238-8

© Рёскин Д., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Александр Марков	7
Джон Рёскин	12
Предисловие к изданию 1887 года	12
Лекция I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Рёскин
Сезам и Лилии. Лекции об искусстве
JOHN RUSKIN LECTURES ON ART SESAME AND LILIES

Перевод с английского П. С. Когана («Лекции об искусстве»), О. М. Соловьевой («Сезам и Лилии»)

Вступительная статья А. В. Маркова

© Марков А. В., вступительная статья, 2017

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Александр Марков

Вождь армии красоты: о Джоне Рёскине

Джон Рёскин был отцом слишком многих явлений, чтобы смотреть на него как на завершенную монументальную фигуру. Рёскин – создатель современного искусствоведения: он первый показал, что недостаточно лишь знать содержание картин или манеру художника, но нужно понимать, с какой скоростью рассматривать картины и с каким настроением постигать их смысл. Рёскин – создатель современной критики искусства: он обосновал, что критика не обязательно привязана к событиям, вроде регулярных выставок, но сама может стать событием под стать открытию новых земель. Рёскин – создатель современного искусства: вместе с пре-рафаэлитами он возрождал ремесло в искусстве, доказывая, что живопись не только должна представлять нам вещи, но показывать, как эти вещи поведут себя в бережных руках ремесленника. Рёскин – создатель современного туризма: если раньше путешествие должно было вывести юношу в мир, познакомив его с разными народами, то теперь путешествовать стали все возрасты, каждый за своим уроком и своим душевным покоем. Наконец, Рёскин – создатель общинного движения в Англии и США.

Прожил Рёскин четыре пятых века, родился в 1819 году, умер в 1900 году. Можно представить, как в год его рождения еще громыхали тяжелые телеги, мучительно прокладывались новые дороги, парусники еще не собирались сдаваться под натиском пароходов, улицы пока не были расширены, коллекции оставались достоянием немногих ценителей, а архитектура не могла никак выбрать, какой эпохе лучше подражать, если все они будто завершились. Можно представить и как в год его смерти телефонные звонки раздавались за окнами, гудела пневмопочта, даже расширенные улицы изнемогали от пробок, новые вокзалы соперничали чудовищными ребрами с кафедральными соборами, а фонтаны плакали на виду гуляющих мечтателей. Всё переменялось, только мозаики и витражи глядели, как прежде, печально и надмирно.

Родился Джон Рёскин в семье богатого шотландского виноторговца. Шотландские предприниматели обычно были крепкими религиозными династиями, и хотя предмет торговли мог меняться, требуемые от торговца терпение и внимание оставались неизменны. В таких семьях рано наступала зрелость ребенка: полагалось встать за бухгалтерские книги в раннем возрасте, равно как и уметь всё, что умеют подчиненные, от уборки помещений до заключения крупных сделок. Джон Рёскин не испытывал стремления к предпринимательской карьере: мечтая о дальних странах, он одобрял в себе амбиции лишь путешественника.

В ранних путешествиях раскрылся важный талант Рёскина – географическая и геологическая интуиция: внимание к горным породам и растениям, погоде и переменам ландшафта. Когда он ездил по разным странам, сразу примечал, почему одни и те же горы или даже один и тот же климат так непохожи от одной области к другой. Видеть вмешательство человека там, где дикая природа торжествовала, было невозможно, и потому молодой Рёскин склонялся к романтическому объяснению: природа любит прятаться, и не сразу раскрывает себя; но если раскрывает, то в капризном многообразии.

Но и великим поэтом Рёскин не стал, хотя сочинителем был выдающимся. Когда, окончив Оксфордский университет, он был оставлен «лектором», иначе говоря, доцентом, читающим специализированный курс, он стал учить систематической тщательности. Именно тогда в университет устремились живописцы: конкуренция меж ними росла, а университетский диплом давал несомненное преимущество перед теми, кто учились лишь у природы или лишь у мастера, половину что знал забывшего.

Рёскин, стоя перед будущими художниками и меценатами, объяснял им с первой лекции, что недостаточно лишь вдохновения для того, чтобы стать признанным виртуозом живописа-

ния. Нужно научиться познавать природу, но не наскоком, а постепенно проникаясь пониманием. Чтобы познать минерал, нужно научиться запоминать его грани, а потом добавить цветовой нюанс, дабы он заблистал. Чтобы познать растение, нужно научиться складывать мысленно его лист, чтобы понять, как распределяются силы в несомненной материи живого.

Знаменитым Рёскина сделала его статья «Прерафаэлитизм» (1851), давшая имя новому направлению в живописи. В ней Рёскин анализировал художников, создавших свои эстетические программы до победы программы Рафаэля; название образовано точно так же, как «доникийские богословы» или «досократические философы». Перуджино и Беллини стали для Рёскина учителями светлой природы, а Фра Анжелико – непостыдного отношения к этой природе.

Часто это название, в применении уже к английским подражателям прерафаэлитов, создавших «Братство прерафаэлитов», понимают упрощенно: просто как следование художественным нормам живописцев, живших до Рафаэля, из непримиримой вражды к академизму. Но ведь, заметим, художники до Рафаэля чаще соперничали до ненависти, чем желали создать какой-то общий принцип работы; скорее только во времена Рафаэля художники заявили, что их искусство обладает величайшим достоинством, и потому не подвластно ни вмешательству извне, ни внутренним раздорам. Но и Рафаэль вовсе не был академистом; напротив, он был радикальным реформатором изображения: вместо собирания образа из знаков и впечатлений, из взглядов и одежд, Рафаэль настаивал на том, что само тело человека, интимно прочувствованное, облечется в одежду только на трепетной поверхности красок. Поэтому прерафаэлитизм – это другое: не борьба с монументами академизма, но стремление вернуть в искусство интуицию материала. Как феноменологи позднее восклицали «к самим вещам», так прерафаэлиты могли бы сказать «к материалам и инструментам».

Мы не поймем английский прерафаэлитизм, пока видим в нем только одну из «красот» позапрошлого века или впечатляющие, но устаревшие иллюстрации к легендам. Прерафаэлитизм любил легенды, но в буквальном смысле этого латинского слова, «то, что надо читать». Он избрал искусство не такое, как оно есть, а каким оно должно быть, когда оно впечатлит и заворочит разные аудитории. Искусство принадлежит не миру оценок, а миру задач; тогда как Рафаэль воспринимался прерафаэлитами как безусловная ценность, но потому и не способная по-настоящему озадачить.

Реабилитация готического стиля, произведенная Рёскиным (в книге «Природа готики», 1853), тоже должна быть понята правильно. Рёскин не был просто романтиком, которого восхищает вертикальная устремленность готики и ее детализация, умеющая переплести неведомое. Для него готика – опыт совместного освоения природы, и потому столь убоги, считал он, современные подражания готике, пытающиеся машиной сделать то, что нужно делать человеческими руками. Готика – особый труд: поиска в материале его податливости, а в движении его вектора. Да, вертикаль готики – лишь геометрия, да, детали готики – только подражание природным формам; но если мастер будет только геометром или только биологом, он не создаст ничего из тяжести недоброй. Чтобы знания не истощались в спешке, готика и должна стать принципом не просто достаточного, но твердого основания для создания новых форм.

Классицизм для Рёскина, напротив, повторяет готовые элементы, заставляя зрителя бродить в призрачных зеркалах своих отражений. Книга Рёскина о готике не вызвала бы бурю во всем интеллектуальном Лондоне, ограничься Рёскин лишь стилистическими предпочтениями. Но он посягнул на главное: на начало промышленного производства, на модные промышленные выставки, в которых он усмотрел выражение классицизма как создания образцов безжалостной властью техники. Классицизм для Рёскина означал всё самое неприглядное в современном ему капитализме: разделение труда, с неизбежным делением людей на знатоков и узких специалистов, нерегулируемый рынок, который требует простых сделок, но при этом создает иллюзорные ценности. Классицистский парк, с его прямыми дорожками и искусными иллю-

зиями, в конце концов переходящими в иллюзию искусственности, – это и есть капиталистический рынок для Рёскина, чему посвящена его книга «Помогая самому последнему» (1860), после положенная Махатмой Ганди в основу его социальной программы 1908 г.

Сам Рёскин любил быть первооткрывателем. Когда английская критика нападала на Тёрнера, упрекая его в произвольности фантазий и неумении блюсти значение пейзажа, Рёскин выступил с развернутой защитой Тёрнера. Рёскин объяснял, что пейзаж – это не система значений, а система отношений: мы сначала просто глядим на море, замечая дымку или игру лучей, потом вглядываемся в то, как работают эти явления, а потом и испытываем зрение, насколько счастливо для себя оно далее может вглядываться. Тогда пейзаж оказывается одновременно лабораторией взгляда и той игрой нашего зрения в природное счастье, которой радуется сама природа.

Рёскин первый разработал программу преподавания искусства для рабочих, желая, чтобы они вернули себе достоинство и стать цеховых мастеров. Он учил рабочих рисованию, исходя из того, что рисунок – первейший документ достоинства: когда человек рисует, он всем телом предан контуру, нажиму карандаша, но при этом он заявляет в изображении свободную игру творческих сил. Когда ребенок рисует, он показывает, что он может не только собирать мир, как в игре, но и показывать данное состояние мира. Когда рисует взрослый, он, показывая состояние мира, доказывает и свою состоятельность. В таком просвещении рабочих Рёскин видел эпохальную задачу: на место эксплуатации поставить творческий ручной труд. Рёскин создал и возглавил мастерскую «Гильдия святого Георга», в которой и поощрял творческое обращение с разными материалами, и с 1871 г. стал издавать ежемесячник, посвященный красоте созидательного труда. По образцу этой Гильдии создавались «колонии Рёскина» в Новом свете: в Теннесси, Флориде, Небраске и Британской Колумбии – здесь Рёскин оказался предшественником Льва Толстого и толстовских коммун. Жители колоний селились вместе, вели деятельность натурального хозяйства и вместе изучали красоту даже самых обыденных вещей.

Личная жизнь Рёскина не была удачной: женитьба на Эффи Грей не принесла мыслителю покоя, и Эффи Грей потом вышла замуж за художника Миллеса, плывущую Офелию которого все помнят по репродукциям. Рёскин влюбился в Эффи, когда ей было всего двенадцать лет, и даже написал для нее роман, но брак с ней напугал его больше, чем порадовал: днем и ночью он собирал материал для книг, поднимался на колокольни и спускался в подвалы, а про супружеское ложе забывал. Следующая любовь тоже была любовью к десятилетнему ребенку, Розе ля Туш, но к ней он тоже стремился душой, но не притронулся к ней до самой смерти. Скорее всего, Рёскин просто искал идеал, в свете которого он вновь проживет мысленно всю свою жизнь, наполнив ее непреложным смыслом, поэтому влюблялся он в ангелов, а тело его оставалось равнодушно, как мрамор, к любым событиям любви.

В 1869 г. Джон Рёскин был избран профессором искусства в Оксфорде. В обязанности английского профессора входит далеко не только чтение лекций и руководство исследованиями. Точнее, руководство исследованиями понимается широко, как умение создать кабинет древностей и библиотеку, снабдить студентов необходимыми орудиями исследований и вдохновить не менее чем пылкими речами наглядностью самой развернувшейся перед ними областью. Рёскин создал новый принцип существования университетского музея: с оригиналами в нем соседствовали репродукции. Для нас, привыкших к самым разным кураторским проектам, такое решение кажется самоочевидным: куратор должен собрать экспонаты разного калибра, чтобы сам его язык был достоверен. А во времена Рёскина это был скандал: как можно поставить рядом с причиной подлинного переживания схематическое ее отображение? Но Рёскин настаивал, что только так можно научить заинтересованности в искусстве, когда знакомые образы узнаются даже в бледных отображениях. Он был любим студентами, воспитывал полезных для Англии рисовальщиков и меценатов, но идеал так и не осветил горницу его души: после полутора десятков лет профессорства Рёскин, узнавший о смерти Розы ля Туш от непо-

нятных причин, просто решил уйти навсегда из мира. В имении Брентвуд, в лирическом Озерном крае, Рёскин и жил последние 15 лет, выходя иногда на прогулки, но больше размышляя о жизни и смерти.

Рёскин был удивительно работоспособным писателем, автором пятидесяти книг и более семиста статей. В «Лекциях об искусстве» (1870), которые теперь нам всем предстоит прочесть, искусство рассматривается в его отношении к различным явлениям жизни. В первой лекции Рёскин и говорит о главной задаче изучения искусства: спасти Англию от раздоров и мелочных страстей. Отношение искусства к религии Рёскин понимает как окультуривание любви: без любви искусство создаст лишь химеры воображения, но и любовь без искусства слишком будет рисковать собой и пользы не принесет. Отношение искусства к нравственности в том, что оно учит нас вести простую жизнь даже тогда, когда отношения между людьми стали слишком сложны и запутанны. Отношение искусства к пользе в том же, что оно каталогизирует природу, тем самым делая полезными любые отображения природы и знания о ней. Также Рёскин в лекциях выделил три принципа искусства: линию, цвет и свет – и рассмотрел, что делает каждый из этих принципов. Строгость линий облагораживает те упражнения, которые ведут начинающего художника к вершинам искусства. Свет добавляет ценности отдельным произведениям искусства, а цвет – самой гармонии.

Переводчик «Лекций об искусстве» Петр Семенович Коган (1872–1932) – плодовитый исследователь, эстетик-марксист, неудачно делавший карьеру при царской власти и очень удачно – при большевиках. Некоторое время Коган был ректором МГУ. Любитель книг и изящных вещей, Коган преклонялся перед Блоком и не любил Маяковского, за что тот бичевал его в стихах. От Рёскина Коган заимствовал умение говорить о практическом значении формальных решений – что делает линия или цвет для произведения, но и для общества; хотя в виртуозности выражения он много уступал своему заочному британскому учителю.

Лекции «Сезам и Лилии» противопоставляют два принципа: промышленное развитие, которое должно открыть все двери (сезам – кунжут, но и волшебное слово), и лилейную женственность, которая и возвеличивает мир своей непорочностью. В основе этих лекций лежит героическая этика Томаса Карлейля, для которого героизм – это не протест против судьбы, но рыцарское служение даме, которое и делает мужчину по-настоящему мудрым: женская мудрость чистоты и усиливает мужскую мудрость прямоты. Рёскин разрабатывает названную идею: промышленное развитие не дает мужчинам проявить свой героизм: они застывают в удивлении перед машинами и ждут, когда машина за них всё сделает. Но тогда женщины входят в мир со своим искусством: показывая, сколь немного нужно для настоящего искусства, для настоящей виртуозности, для настоящей мысли, женщины и возвращают миру былую нетронутость. Мы можем сейчас читать эту книгу как один из первых гендерных трактатов, вероятно первый, вознесший женщину над мужчиной не только по красоте, но и по уму. Но можем читать ее и как труд по искусству, исследующий минимальные условия создания искусства. Эмоции и чувства сами по себе искусства не создают; но особая память, по-женски бережливая и по-женски трепетная, и учреждает искусство, правильно подхватывающее свой материал на крыльях вдохновения.

Нужно сказать немного о переводчице книги «Сезам и Лилии». Ольга Михайловна Соловьева (1855–1903) происходила из рода Ковалинских, ее прадед был любимым учеником знаменитого мудреца Григория Сковороды. Хотя она была гораздо старше своего мужа, переводчика Михаила Соловьева (брата философа Владимира Соловьева), брак их был счастливым. Деверя своего она чтит почти религиозно, но также была известной в Москве англоманкой: переводы с английского и сделали ей имя. Рёскина она переводила много и упорно. Андрей Белый в гениальной поэме «Первое свиданье» (1922) оставил выразительный портрет:

О. М., жена его, – мой друг,

Художница —
— (в глухую осень
Я с ней... Позвольте — да: лет восемь
По вечерам делил досуг) —

Молилась на Четы-Минеи,
Переводила де Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Оревиллы,
Цветы и тюлевые шали —
Всё переписывалась с «Алей»,
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
«Сережей», сыном их: он — мистик,
Голубоглазый гимназистик.

Сергей Михайлович Соловьев был шафером на свадьбе А. Блока и Л. Менделеевой. Но интересно, что Андрей Белый не упоминает ни одного английского увлечения героини — вероятно, потому что он хочет раскрыть в поэме тайны собственной судьбы, переиграв ее через много лет, а переводы О. М. Соловьевой с английского были и так всем известны. Теперь и мы вспомним об этих переводах, без которых не полон русский модерн: без этой неспешной, но взрывающейся остроумием речи, без этой избыточности выразительных средств, соседствующей с суровым аскетизмом нравственных требований, без исторической чуткости, которая требует всё новых импровизаций на готовые темы. Переводы Рёскина были вкладом в обновление языка русской критики.

Рёскина в наши дни читать важно и приятно. Речь профессора, срывающая аплодисменты, проникающая в глубину души, обновляющая чувство благоговения и созидаящая интеллектуальные общины, — это то, что надо нам в век множащихся недоумений между людьми. Конечно, никто сейчас не пойдет в общину ремесленников, в общину красоты. Но Рёскин и сейчас убеждает нас, что красота нас ждет за порогом привычного опыта, нужно только просто ступить в соседнюю комнату, комнату большей свободы или большей нравственности.

Джон Рёскин Лекции об искусстве

Предисловие к изданию 1887 года

Предлагаемые лекции являются самым значительным из моих литературных трудов. Я писал их с неослабной энергией, под влиянием самых лучших побуждений и при самом счастливом стечении обстоятельств. Я писал и читал их, когда еще была жива моя мать, принимавшая самое горячее участие во всех моих начинаниях, когда друзья мои еще непоколебимо верили в меня, а занятия, которым я предавался, казалось, влекли меня к задачам более благородным и ответственным, чем цели праздного туриста или случайного преподавателя.

Сегодняшнее поколение может улыбаться, читая пылкие заявления, которые содержатся в первых четырех лекциях. Но не я один виноват в том, что эти заявления не осуществились.

Я не отказываюсь ни от одной из высказанных надежд, не беру назад ни одного слова из того, что обещал студентам в случае, если они усердно предадутся занятиям. Для успеха дела мне следовало жить неотлучно в Оксфорде и не расточать своей энергии на другие дела. Но я предпочел уделять половину своего времени Конистону и половину сил тратить на создание новой социальной организации – общины св. Георга, – которая преисполнила всех моих оксфордских коллег недоверия, а многих моих слушателей – даже презрения ко мне. Смерть матери, последовавшая в 1871 году, и смерть моего друга в 1875 году погасили всякую заинтересованность, с которой я писал или создавал свои планы. И в 1876 году, не чувствуя в себе сил выполнять обязанности в Оксфорде, я взял годичный отпуск и, следуя любезному и мудрому совету принца Леопольда, отправился в Венецию, чтобы еще раз рассмотреть и обсудить ту форму, в которую я отлил ее историю в «Камнях Венеции».

Подлинное и тщательное изучение этой истории, начатое с места упокоения св. Марка, и новые архитектурные чертежи увлекли меня вперед, в новые области мысли, несовместимые с ежедневными посещениями оксфордских классов. С одной стороны, недовольство тем состоянием, в котором я покинул их, а с другой – невозможность вернуться к дальнейшему руководству ими, для чего пришлось бы отказаться от всех планов по изучению венецианской и итальянской истории, – все это послужило началом целого ряда мучительных волнений и завершилось в 1878 году болезнью, едва не приведшей к смертельному исходу.

Таким образом, мои занятия в Оксфорде на самом деле продолжались только с 1870 до 1875 года. Едва ли можно удивляться или упрекать меня за то, что за это время я не смог завоевать всеобщего доверия к системе преподавания, которая хотя и основывалась на системах да Винчи и Рейнолдса, но расходилась с практикой всех новых европейских академических школ, и при недостаточных средствах нашей кафедры не успел создать школ скульптуры, архитектуры, металлических работ и орнаментики рукописей, план которых был с такой уверенностью намечен в первых четырех лекциях.

Пересматривая эту книгу, я – подобно тому как сделал это в последнем издании «Семи светочей архитектуры», – отметил те места, которые могут быть применимы и полезны для студентов в целом, кроме тех, которые непосредственно касаются специальных предметов. Важность этих суждений, имеющих более широкое значение, я всегда обозначаю полужирными буквами или курсивом. Если читатель захочет составить указатель тех суждений, которые найдут полезными для собственной работы, то на оставленных в конце книги пустых страницах он, без сомнения, поместит более подходящие для себя, чем те, которые мог бы сгруппировать сам автор, следуя своему представлению об их значении.

Сэндгэйт, 10 января 1888 года

Лекция I

Введение

1. На меня возложена обязанность ввести в круг элементов образования, существующих в этом великом университете, такой, который не только сам является новым, но может в результате произвести известный переворот во всех остальных. Эта обязанность, как вы отлично понимаете, настолько трудна, что, приняв ее на себя, всякий рискует подвергнуться упреку в дерзости, и каждому, кто честно возьмется за нее, должно опасаться, что его руки опустятся от страха перед этой задачей, от чувства неуверенности в самом себе.

Да и мне еще недавно так мало были знакомы самоуверенность и надежда, что я едва могу обрести необходимый запас первой для возбуждения в себе энергии, а второй – для веры в будущее. Мне придает силу только мысль о том, что благородные люди и великодушные друзья, которые тем строже судят, чем сильнее любят, пожелали, чтобы мне было доверено это дело. И я убежден, что доброе дерево, которое мы сегодня с Божьей помощью сажаем в землю, не зачахнет, хотя оно посажено при не слишком благоприятных предзнаменованиях и первые побеги его ослаблены недостаточным уходом.

2. Благодаря щедрости того благородного англичанина, которому мы обязаны основанием этой кафедры одновременно в трех великих университетах, осуществлена первая из целой серии реформ, которые ныне проводятся в нашей системе народного образования. Как вам известно, эти реформы знаменуют собой существенный поворот национальной мысли применительно к двум принципам, лежащим в основе этого образования, и относительно тех слоев общества, на которые оно распространяется.

Прежде полагали, что дисциплина, необходимая для формирования личности, более всего воспитывается абстрактным изучением литературы и философии; теперь же думают, что для достижения той же или даже более совершенной дисциплины служат два пути: обучение человека с раннего детства тем предметам, усвоение которых может потом принести ему значительную практическую пользу, и предоставление свободы в выборе той отрасли занятий, которая наиболее соответствует личной склонности. Я всегда употреблял весь свой небольшой авторитет для содействия этой реформе, и никто больше меня не может радоваться ее практическим результатам. Но за дело завершения (я не решаюсь сказать – исправления) системы, установленной величайшей мудростью наших славных предков, надо браться с почтительной осторожностью. Англичане в реформах часто проявляют бурную энергию, пропорциональную тому отвращению, с которым решаются допустить их необходимость. Поэтому в данную минуту больше чем когда-либо следует помнить, что целью обучения является не приобретение знаний, а дисциплина ума. Вас посылали в наши университеты – до сих пор, по крайней мере, – не для обучения ремеслу, не для усовершенствования в какой-нибудь профессии, но для того, чтобы сделаться истинными джентльменами и образованными людьми.

3. Сделаться тем и другим – если существует материал для того и другого. Чернь цивилизованных стран еще недавно была проникнута болезненной мыслью, будто всем возможно стать тем и другим. Они были уверены, что, раз сделавшись благородными и учеными при помощи механических процессов образования, они овладеют впоследствии высшим благом, богатством.

Стать богатыми в меру имеющихся и пригодных средств без сомнения могут *все*. Здесь пред ними действительно открыта Хавилла; и верным оказывается чудесное изречение, сказанное о ней: «Злато *этой* страны хорошее». Но необходимо понять, что образование в его глубо-

чайшем смысле служит прежде всего средством не уравнивать, а различать людей.¹ Мудрость не служит орудием накопления богатств; напротив, ее первое правило есть презрение к ним, а первое правило благородства – равномерное их распределение. Вот почему, насколько я могу судить, всем невозможно стать благородными и учеными. Даже при самой тщательной тренировки одни останутся слишком эгоистичными, чтобы отказаться от богатства, другие слишком тупыми, чтобы желать досуга для занятий. Впрочем, иные могли бы стать более благородными и учеными, чем сейчас. Мало того, может быть, все англичане станут со временем такими, если Англия действительно пожелает, чтобы ее превосходство над другими нациями состояло в благородстве и учености. Достижению этой доброй цели должно содействовать введение преподавания искусств и ремесел в нашу схему университетского образования. Но в чем в первую очередь ощущается насущная необходимость – это в распространении духа университетского образования на практическое применение искусства.

4. Прежде всего необходимо освободить их от нынешнего унижительного положения и оказать им *поддержку*. Слишком долго хвалились, словно это для Англии предмет гордости, тем, что из массы людей, положение которых считается тягостным, отдельным лицам энергичными усилиями при счастливых условиях удается выбиться на свет и с презрительным самодовольством оглянуться на прошлое, на занятия своих родителей, на свое детство. Не должны ли мы скорее стремиться к такому идеалу национальной жизни, при котором занятия англичан хотя и будут различны, но ни одна профессия не будет ни мучительной, ни низкой, когда механические работы,² признаваемые по своему характеру унижительными, будут предоставлены расам менее счастливым и более корыстолюбивым, когда возможного для всех перехода из одного ранга в другой лучшие люди будут скорее избегать, чем добиваться, и цель каждого гражданина будет заключаться не в том, чтобы выбиться из положения, которое признается унижительным, а в том, чтобы исполнять долг по праву рождения.

5. Воспитание разных классов должно осуществляться не в университетах по единой программе, а в различных школах, где будут преподаваться предметы, наиболее полезные для каждого класса. Знания, требуемые для специальных занятий, будут преподаваться в совершенстве, а разнородные высшие науки и развитие способностей для восприятия и доставления наслаждений будут соединены с теми трудами, которые связаны с этими специальными занятиями. Я не теряю надежды увидеть земледельческое училище с вполне обеспеченными кафедрами зоологии, ботаники и химии, или школу торгового мореходства с кабинетами астрономии, метеорологии и естественной истории моря, или – назову один пример более изящного, не сказать высшего, искусства – мы в скором времени, я надеюсь, будем иметь превосходную школу работ по металлу, которую возглавят не кузнецы, а золотых дел мастера. Я убежден, что знатоки, научившиеся умело обращаться с самым драгоценным металлом, сумеют надлежащим образом справиться и с остальными.

Но я не должен отвлекаться от своей непосредственной задачи, обсуждая то, чем она станет в руках других. Насколько позволят силы, я представлю вам краткий очерк современного состояния искусства в Англии, а также определю то влияние, которое, по моему мнению, будут постоянно оказывать на него наши университеты благодаря вновь основанным кафедрам.

6. Прежде всего предстоит рассмотреть, какое влияние имело на наши искусства развитие торговли и расширение наших связей с чужестранными народами, благодаря чему мы познакомились с их произведениями как прошлого, так и настоящего времени. К сожалению, непосредственными результатами этих благоприятных условий явились скорее зависть к чужому

¹ Точный смысл этого суждения, а также того, которым заканчивается настоящий параграф, может быть понят только из моих сочинений «Современные художники» и «Время не ждет» (*Time and Tide*), в которых я более подробно развиваю свои взгляды на образование. Следующие четыре параграфа представляют собой сжатый свод моих политических и социальных принципов. – Прим. автора. (Здесь и далее постраничные сноски принадлежат автору и переводчику.)

² Τεχνα ἐπιρρητοί (греч.). – Прим. автора.

творчеству, чем сознание ограниченности своего, и стремление скорее обогатиться продажей произведений искусства, чем получить наслаждение от их приобретения.

В настоящее время все наши усилия, вызванные искренним желанием производить и приобретать действительно прекрасные произведения, заключают в себе по крайней мере один существенный элемент успеха. Но те усилия, корень которых лежит в надежде обогатиться продажей произведений, *безусловно* обречены на позорное крушение – не потому, что высокообразованная нация не имеет права извлекать выгоду из своих творческих сил, но потому, что эти силы не могут развиваться, когда *конечной целью* ставится выгода. Истинное проявление национальной силы в искусстве всегда зависит от того, направлена ли она к цели, которую указывает вековой опыт. Для надлежащего направления своего гения самопознание столь же трудно и столь же необходимо народу, как и индивидууму. Это самопознание никогда не достигается ни порывистостью неопытной самонадеянности, ни опасением нужды, которая явилась результатом непредусмотрительности. Ни один народ не имеет и не будет иметь силы вдруг, под давлением нужды, развить в себе те способности, которыми он пренебрегал, когда не нуждался, или в бедности научиться творить то, чем не умел восхищаться в богатстве.

7. Связанные худшими сторонами нашего социального устройства, но способные к лучшим стремлениям, чем коммерческий расчет, мы замечаем, что в последнее время стимул к созданию драгоценных произведений искусства дают те причины, которые содействовали накоплению богатств в частных руках. Благодаря этому недавно появилось широкое покровительство, или меценатство, которое в своем нынешнем виде вредит нашим школам, но тем не менее отличается серьезностью и добросовестностью и далеко от того, чтобы руководствоваться исключительно мотивами тщеславия. Большинство людей с достатком охотно покровительствуют истинным интересам искусства в нашем отечестве, и даже те, кто покупает ради тщеславия, кладут в основу своего тщеславия приобретение того, что считают самым лучшим.

Если художники и страдают от этого неумелого, но проникнутого добрыми намерениями меценатства, то вина за это в значительной мере падает на них самих. Если они стараются привлечь покровителей эксцентричностью, обольстить поверхностными достоинствами или воспользоваться поддержкой через бессодержательные и легкомысленные произведения, то тем самым неизбежно унижают и себя, и само меценатство. Они не имеют права жаловаться, что покровители не признают более основательных претензий. Если бы каждый истинно талантливый художник создавал только то, что считает достойным себя самого, не гонялся бы за недостойным и случайным успехом, то, как бы ни возражали, общество сохраняет достаточно верного чутья для того, чтобы пойти за таким надежным вождем. Мой тридцатилетний опыт позволяет без оговорок установить один факт: действительно хорошая картина всегда найдет одобрение покупателя, если не отталкивает недостатками, от которых художник по своей гордости не захотел избавиться или был бессилен исправить.

8. Дальнейшее развитие всего здорового и полезного в этих двух рассмотренных влияниях зависит от направления интереса к искусству, возбужденного истинно великим гением некоторых наших и ныне здравствующих, и недавно умерших художников, скульпторов и архитекторов. Вас, может быть, поразит – но я уверен, что вы с удовольствием услышите из моих уст или (если здесь, в Оксфорде, мне простят самонадеянность, что для кого-то достаточно моего имени) из уст автора «Современных художников», – что главная ошибка прошлого заключалась не в переоценке, а, напротив, в недостаточном признании заслуг современников. Великий художник, дарование которого я оказался способен оценить при его жизни, первым упрекнул меня в невнимании к талантам своих сотоварищей, и в этом введении к изучению искусства всех времен – изучению, которое только при надлежащей скромности может привести к мудрому восторгу, – уместно вспомнить его слова. Эти слова были справедливы по отношению ко мне, и они всегда будут более или менее справедливы по отношению ко всякому человеку, еще не успевшему закалиться в этой тяжелой работе. Вот они: «Вы не знаете, как она трудна!»

Вы не ждете, конечно, что в объеме этого курса я представлю какой бы то ни было анализ многочисленных родов искусства (три крупных вида), которые возникли ради насаждения или пользы из сложных требований современной жизни и еще более сложных и разнородных инстинктов современного гения. Моя задача, как и моих коллег в других университетах, состоит в том, чтобы дать вам возможность правильно оценивать эти роды искусства. Надеюсь, что члены Королевской академии и члены Института британских архитекторов окажут поддержку и содействие усилиям университетов, организовав такую систему художественного образования для своих собственных студентов, при которой они не будут впоследствии тратить свой талант на ложные стремления. Эти учреждения должны устранить всякие разногласия относительно свойств материала и его употребления, а также добиться того, чтобы каждая картина или чертеж, которые удостоятся их санкции, были согласованы с некоторыми первоначальными законами. Конечно, невозможно втиснуть в рамки определенной школы таланты столь разнообразные, как дарования английских художников; но каждая академическая корпорация обязана следить за тем, чтобы уберечь своих младших членов от ошибок, которые наверняка есть в каждой школе, чтобы они практиковались в лучших из известных методов работы, пока их природное дарование не будет достаточно воспитано для создания новых.

9. Если бы не стремление к полноте обзора, то едва ли следовало бы упоминать об особом спросе на искусство, порожденном невежеством и служащем только дурным целям, – о спросе слоев общества, ищущих исключительно наслаждения, на те произведения и формы искусства, которые тешат праздность и возбуждают страсть. Нет надобности обсуждать эти требования и их влияния, хотя они производят губительное действие на современную скульптуру и ювелирные работы. Их нельзя остановить порицанием, ими нельзя руководить при помощи образования; они – неизбежный результат всевозможных недостатков, которые свойственны нравам и принципам изнеженного роскошью общества. Только реформами в сфере нравственности, а не художественной критикой можно ослабить их действие.

10. Наконец, существует еще один вид постоянно растущего спроса на искусство, именно на искусство для масс; оно распространяется печатным станком, иллюстрирует события дня, популярную литературу и естественные науки. Замечательные специалисты, многие лучшие современные таланты заняты удовлетворением этого спроса. Нет пределов тому добру, которое можно было бы принести, если бы мы надлежащим образом воспользовались имеющимися талантами для того, чтобы сделать прекрасное искусство доступным для беднейших классов. Многое уже достигнуто, но сделано и немало зла: во-первых, теми формами искусства, которые приноравливаются к испорченному вкусу, а во-вторых, косвенным путем, а именно гравюрами, которые в целом выполняют свою роль, но недостаточно хороши, чтоб сохранить свое влияние на умы масс; эти гравюры надоедают своим непомерно большим количеством, однообразием и посредственными качествами, тем самым ослабляя или атрофируя интерес к произведениям высшего рода.

Особенно следует сожалеть об их влиянии на школы гравирования, которые в Англии достигли подлинного совершенства исполнения, но в последнее время утратили многие из своих безукоризненных и узаконенных методов. Несмотря на это, я видел сделанные еще совсем недавно гравюры, и они в некоторых отношениях превосходили все, что когда-либо создавалось резцом. Я нисколько не боюсь, что фотография или какой-нибудь другой опасный соперник ослабит их – напротив, думаю, что они возвысят и возбудят великую старую силу дерева и стали.

11. Таковы в кратких чертах условия, в которых находится современное искусство и с которыми нам придется иметь дело. Полагаю, что задача нашей кафедры – создать как критическую, так и практическую школу изящных искусств для настоящих благородных англичан: практическую для того, чтобы они правильно рисовали все, за что ни примутся, и критическую – чтобы обратить их внимание на те из существующих произведений искусства, которые впо-

следствии наиболее вознаградят их старания. Если их направить таким образом, то покровительство, которое они будут оказывать художникам, доставит удовлетворение им самим, так как они будут сознавать его целесообразность; кроме того, оно явится в высшей степени благотворным для страны, ибо будет оказано достойным его, и притом в ранний период их жизни, когда те более нуждаются в покровительстве и когда с его помощью можно оказать на них самое полезное влияние.

12. Мне кажется, что справедливость моей мысли об этих функциях меценатства обнаружится особенно ясно, если попытаться определить вероятный характер и сферу действия искусства в Англии. Постараюсь сразу организовать соответствующую систему занятий с вами; она будет ориентирована прежде всего на знакомство с теми отраслями, в которых английские школы или обнаружили, или должны обнаружить особое превосходство.

Итак, обращаюсь к вам с просьбой одобрить направление, которое я намерен придать своим лекциям, их общий план, а также границы, в которые я намерен их ввести. Выскажу руководящие мною соображения: с одной стороны, мне придется утрудить ваше внимание выяснением тех направлений, в которых все стремления английских художников ожидает неудача, а с другой, – тех, в которых, как показал опыт, они могут быть уверены в успехе.

13. Я упомянул о тех стараниях, которые мы прилагаем для улучшения рисунков на изделиях мануфактуры. Думаю, это улучшение может быть достигнуто в известных пределах: мы перестанем угождать минутной моде, создавая случайные, уродливые пародии вместо настоящих рисунков, станем производить красивые ткани гармоничных цветов, глиняную и стеклянную посуду удобной формы и хорошего качества, но мы никогда не достигнем выдающихся успехов в декоративных рисунках. Такие рисунки обыкновенно создают народы, от природы обладающие великими умственными силами, но не обремененные массой разнообразных проблем и забот, народы, живущие среди естественных красот природы или в таких условиях повседневной жизни, которые возбуждают приятные эмоции. Мы не можем придумывать таких рисунков, так как нам приходится слишком много думать, и притом думать слишком беспокойно. Давно замечено, как мало действительных тревог существует в умах полудиких рас, которые славятся декоративным искусством, и не следует думать, что в Средние века человеческий дух был смущен тревогами, хотя каждый день приносил опасности и перемены. Полная приключений жизнь делала человека беззаботным, как в наше время бывает с солдатами или моряками. Когда существует способность к мышлению и нет предметов, на которые ее можно направить, вся свободная энергия и фантазия устремляются на ручные изделия, и тот интеллектуальный запас, которого хватило бы для управления огромным торговым делом в течение целого дня, сразу и совершенно бессознательно тратится на изобретение одной замысловатой спирали.

Способности к декоративным ремеслам развиваются постоянной тренировкой столько же рук, сколько фантазии, тренировкой столь же мучительной и требующей столь же напряженного внимания, как та, которой подвергает себя фокусник, преодолевая главные трудности своей профессии. Работа самого искусного художника всегда есть не что иное как блестящий *tour de force* (то, что достигается усилием (*фр.*)), и многое, что в картине с первого взгляда приписывают материалу, на самом деле есть только увлекательный и совершенно неподражаемый фокус. И вот, когда способность воображения, развитая верностью и ловкостью руки, беспрерывно передается от поколения к поколению, в конце концов являются не столько вышколенные художники, сколько буквально новая порода живых существ, с наследственными способностями которых невозможно состязаться. Все наши подражания работам других народов в этом отношении будут бесплодны. Мы должны прежде всего заботиться о добросовестности в производстве английских товаров, а декорировать их лишь настолько, насколько позволят грации.

14. Во-вторых – и это недостаток более серьезный, имеющий, впрочем, и хорошую сторону, – мы никогда не достигнем успеха в высших областях отвлеченного или теологического искусства.

Со времен завоевания, если не с более ранних пор, существует странная, но совершенно неотделимая от нас черта – любовь к карикатурным формам с грязноватым оттенком. Пожалуй, самым совершенным образцом английского ума, его наилучшим выражением является Чосер; но хотя его мысли почти всегда прекрасны, чисты и ясны, как апрельское утро, даже среди них иногда встречаются такие, где он унижается до заигрывания с дурными инстинктами. Эта способность слушать и наслаждаться самыми грубыми остротами – каковы бы ни были чувства, допускающие это, – впоследствии вырождается в такие формы юмора, из-за которых многие величайшие, мудрейшие и самые нравственные писатели Англии становятся почти непригодными для нашей молодежи. Если же английский писатель лишен подобного инстинкта, то его талант оказывается сравнительно слабым и ограниченным.

15. Итак, чтобы создать в области отвлеченного искусства великие произведения, прежде всего необходимо смотреть на все грязное с отвращением, как на презренного, хотя и страшного врага. Вы легко поймете мою мысль, если сравните чувство, с которым смотрит на всякую сальность и на всякие низменные шутки Данте, с отношением к ним Шекспира. Этот странный грубый инстинкт, соединенный, как это бывает у наших лучших соотечественников, с великой простотой и здравым смыслом, делает их тонкими и превосходными наблюдателями и выразителями видимой природы как в низших, так и высших ее формах, но отсекает от того особого искусства, которое в узком смысле называют возвышенным. Если бы мы попытались создать что-нибудь на манер Микеланджело или Данте, то потерпели бы крушение даже в литературе, как Мильтон в битве ангелов, этом искажении Гесиода. В искусстве каждая попытка такого рода служила признаком самоуверенного эгоизма тех, кто в действительности никогда не учился тому, чтобы быть работниками, или же была связана с трагическими формами созерцания смерти; но в общем она всегда бывала до известной степени безумной и никогда не имела успеха.

Впрочем, нечего огорчаться из-за ограниченности наших способностей. Мы способны дать то, что не могут дать другие, и гораздо более того, что когда-либо удавалось совершить. Первый наш великий талант – способность к портретной живописи, способность, с такой силой проявившаяся в Рейнолдсе и в Гейнсборо, что будущим мастерам остается только терпеливо добиваться технического совершенства и соединить его с энергией названных художников, с их умением постигнуть предмет. На основании данных о влиянии искусства на нравы общества в прошлом невозможно даже приблизительно представить, какие результаты могли бы в будущем принести школы портретной живописи, если бы достойные лица пожелали быть оцененными, а остальные не побоялись бы оценить их по достоинству. В следующей лекции я постараюсь показать, насколько полезнее мог бы быть труд великих мастеров (хотя он и был бы тогда скромнее), если бы они удовольствовались составлением отчета о тех, кто жил на земле вместе с ними, вместо того чтобы стараться создать обманчивую славу тем, что грезились им в небесах.

16. Во-вторых, мы обладаем великой изобретательностью и экспрессией в изображении семейных драм (главные побуждения, руководящие королем Лиром и Гамлетом, несомненно, побуждения прежде всего семейного характера). В настоящее время существует тенденция к развитию нашего искусства в этом направлении. Эта тенденция ослабляется некоторыми неблагоприятными условиями, которые можно свести к одному – к недостатку благородного гражданского и патриотического огня в сердцах англичан. Этот недостаток делает их семейные привязанности эгоистичными, узкими, и потому лишает их глубины.

17. В-третьих, из-за нашей простоты и благодушия, а отчасти именно из-за этого пристрастия к карикатурному, которое принижает наш идеал, в нас есть такая черта, как симпатия

к животным, отличающаяся особой прочностью. Это чувство, хотя оно и получило довольно тонкое выражение в творениях Бьюика и Ландсира, все же еще совершенно не развито. Эта симпатия с помощью нашей авторитетной современной филологической науки и из-за британского пристрастия к приключениям делает нас способными оставить будущим обитателям земного шара полную летопись нынешних форм жизни, некоторые из которых находятся на грани исчезновения.

Наконец, в качестве не последней по своему значению способности укажу на нашу способность к изображению пейзажа. О ней мы скоро поговорим более подробно.

18. Вот в этих направлениях мы можем отличиться по характеру своих дарований. Вы увидите, как, учитывая эти направления, должны измениться те приемы, которые рекомендуются сейчас для изучения искусства. В самом деле, если бы существовала вероятность, что наши профессиональные художники создадут произведения возвышенно-идеального характера, то было бы желательно воспитывать вкус студентов прежде всего на чистейших образцах греческого и величайших – римского искусства. Но вы едва ли найдете в Англии хоть одну школу, которая, стремясь исключительно к изучению этих высших разделов, оказывает сильное или хотя бы просто определенное влияние на своих учеников. Поэтому я, хотя и постараюсь указать вам те черты, которые следует искать у великих мастеров и которым следует подражать, тем не менее не буду прилагать особых усилий, чтобы побудить вас слепо копировать их. Прежде всего я испытаю вас и буду противодействовать притворству, в которое легко впасть даже при скромности; оно может выразиться двояко: или мы во что бы то ни стало восхищаемся тем, к чему в душе не чувствуем симпатии, или скрываем удовольствие, которое испытываем от обыденных вещей, – скрываем, поскольку видим признак особой утонченности в стремлении к более высокому и редкому.

19. Далее, если бы явилась вероятность, что наши ремесленники достигнут выдающейся ловкости в декоративном искусстве, я должен был бы тщательно познакомить свой класс с правилами гончарного дела и металлообработки и приучить своих учеников с любовью заниматься условными сочетаниями красок и форм.

И я действительно рассчитываю сделать это, чтобы дать своему классу возможность различать истинные достоинства некоторых стилей, которые в настоящее время находятся в небрежении, и прежде всего постичь дух полуварварских народов в том единственном языке, способном выразить их чувства. Те ученики, которые в силу своих склонностей найдут удовольствие в истолковании мифических символов, вероятно, не бросят эти глубокие сферы исследования, которые откроет им тщательное изучение раннего искусства, чьей исключительной принадлежностью эти мифические символы и являются, потому что главный его закон следующий: при одинаковых интеллектуальных данных художника он говорит своим искусством тем менее, чем большего совершенства достигает в подражании; чем грубее символ, тем глубже его значение. Несмотря на все сказанное, когда я в достаточной мере выясню характер и значение этих произведений и сумею отстоять их от того презрения, с которым к ним слишком часто относятся, я предоставлю студентам самим наслаждаться дальнейшими исследованиями и даже, насколько позволят силы, ослаблю их восхищение, основанное на причудливости стиля; я буду искоренять и другие чувства, способные привести к кропотливому собиранию редкостей вместо разумной оценки произведений, которые, согласуясь с вечными законами искусства, не могут быть исключительными и выделяются только тем, к чему в искусстве всегда следует стремиться.

20. В этом и подобных направлениях я постараюсь сделать доступными для моих слушателей все средства, обеспечивающие успех. Я употреблю всю свою энергию, чтобы показать им истинно прекрасное среди произведений тех, кто уже прошел период символов, период зарождения, кто сумел правдивостью изображения удовлетворить одновременно самым суровым, строгим требованиям и точной науки, и дисциплинированной страсти. Таким образом, основ-

ную часть нашего времени я посвящу тем произведениям живописи и скульптуры, которые являются бесспорно наилучшими. Уверен, что даже к неразвитому искусству раннего периода вы отнесетесь с большим интересом и с большим уважением, когда узнаете всю трудность попыток, которые оно делало, и полный объем того, что оно предвещало.

21. Исходя из этого, я постараюсь заодно осуществить свою многолетнюю заветную мечту. Ее можно привести в исполнение здесь, в Оксфорде, пользуясь советом и помощью кураторов университетских галерей; именно здесь ее воплощение принесет наибольшую пользу: я думаю собрать коллекции превосходных образцов искусства, моделей, к которым вы можете обращаться при каждом сомнении. При их изучении вы приобретете инстинктивное чувство правильности, которое впоследствии предохранит вас от серьезных ошибок. Эти коллекции можно составить гораздо лучше и гораздо легче, чем обычно полагают. Действительная польза, которую они могут принести, будет зависеть от строгости отбора – от устранения всего второстепенного, чрезмерного, а также экземпляров, привлекающих своей пестротой. Внимание студентов должно быть сосредоточено на немногих действительно превосходных образцах. Способность к правильной и быстрой оценке разовьется скорее внимательным изучением одного произведения, чем беглым обзором многих. Каждая отличительная черта запечатлевается особенно ярко, когда оттеняется резким контрастом и не повторяется.

Большинство образцов, которые я отобрал, – гравюры и фотоснимки. Они будут расположены в таком порядке, чтобы быть легко доступными. Кроме того, в каталоге будет указана цель, к которой я стремился при отборе каждого образца. Надеюсь, что со временем английское общество поможет мне составить коллекции столь же великолепные, сколько полезные, и собрать по тем же принципам коллекции поменьше для учеников средних школ.

22. Во-вторых, я постараюсь убедить тех студентов, которые пожелают посещать лекции по искусству, чтобы они уделили известное количество времени практическим занятиям и постигли характер и трудности самой техники.

Затраченное на это время не пропадет напрасно и для других университетских наук, потому что я намерен вести эти практические занятия в двух направлениях: иллюстрировать, во-первых, исторические, а во-вторых, естественные науки. Станете ли рисовать какой-нибудь элемент греческого оружия, или ястребиный клюв, или львиную лапу – вы сразу увидите, что необходимость работы рукой привлекает внимание к деталям, которые иначе ускользнули бы, запечатлевает их в памяти без особых усилий. Но допустим даже, что это не так, что практические упражнения сами по себе потребуют от вас значительной затраты времени. Даже в этом случае я не боюсь того, что осязаемые результаты не оправдают принесенной жертвы. И общественное мнение, кажется, склоняется к той мысли, что в совершенное воспитание входит не только умение выражаться посредством языка, но и умение владеть музыкальными звуками при помощи голоса и правильной формой посредством руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.